

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ТУРИЗМА (ОПЫТ АНАЛИЗА, РЕКОНСТРУКЦИИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ П. ТИЛЛИХА)

А.В. Метелев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Аннотация. В статье поддерживается критика традиционной односторонне негативной оценки «экстремальности» и, как следствие, экстремального туризма в социологических и психологических исследованиях. Поддерживается точка зрения о необходимости обоснования положительных аспектов «экстремальности» за счет выявления фундаментальных, в первую очередь экзистенциальных, оснований экстремального туризма, исходя из анализа соответствующих философских концепций. В контексте рассмотрения «положительной» экстремальности, в результате анализа и реконструкции концепции «мужества быть» одного из представителей экзистенциальной философии П. Тиллиха, на основе интерпретации и развития некоторых его идей и положений предлагаются экзистенциальные основания экстремального туризма.

Ключевые слова: экстремальность, экстремальный туризм, риск, безопасность, экзистенциальные основания, экзистенциальная философия, «мужество быть», самоутверждение.

EXISTENTIAL CAUSES FOR EXTREME TOURISM (EXPERIENCE OF ANALYSIS, RECONSTRUCTION, INTERPRETATION AND DEVELOPMENT OF PHILOSOPHICAL IDEAS OF P. TILLICH)

Aleksej V. Metelev

Altay State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article supports the criticism of the traditional one-sided negative evaluation of «extremality» and, as a result, outdoor adventure in sociological and psychological research. The author supports the point of view about the necessity of justification of positive aspects of «extremality» by means of fundamental, primarily existential, grounds of outdoor adventure, on the basis of analysis of corresponding philosophical conceptions. In the context of consideration of «positive» extremality, as the result of analysis and reconstruction of the conception «courage to be» belonging to a representative of existential philosophy P. Tillich, on the basis of interpretation and development of some of his ideas and guidelines the author suggests existential grounds of outdoor adventure.

Keywords: extremality, extreme tourism, risk, security, existential causes, existential philosophy, «courage to be», self-affirmation.

Введение. Одним из быстроразвивающихся видов туризма как в мире, так и в Российской Федерации является экстремальный туризм. Об этом, в частности, свидетельствует то, что в последние десятилетия стремительно растет число его новых видов, разрабатываются новые маршруты, развивается их инфраструктура, совершенствуется специальное туристское оборудование, снаряжение, экипировка и продукты питания. Фирмы с мировыми брендами входят на новый и быстроразвивающийся сегмент рынка, связанный с производством продукции, обеспечивающей активный и экстремальный туризм. Компании, которые и ранее занимались разработкой и производством товаров для занятий спортом, отчасти обеспечивая своей продукцией экстремальный туризм, учитывая потребности рынка, расширяют ассортимент, внедряют новые передовые технологии и предлагают свою продукцию, специально предназначенную для различных видов экстремального туризма.

Быстрое развитие экстремального туризма можно объяснить двумя основными факторами. Во-первых, активной деятельностью туристских фирм по продвижению своих услуг, а также уже упомянутых компаний, специализирующихся на производстве специального оборудования, снаряжения, экипировки и питания. В данном случае не только спрос рождает предложение, но и предложение создает и стимулирует спрос. Во-вторых, экстремальный туризм становится более организованным, технически оснащенным, технологически подготовленным, а потому менее опасным и дискомфортным, то есть, как это ни парадоксально, не таким экстремальным, а значит, более доступным и востребованным.

Однако несмотря на предпринимаемые меры по повышению комфортности и обеспечению безопасности, экстремальный туризм по-прежнему сопряжен с вынужденным снижением уровня комфортности, значительными затратами физических и психических сил, он остается травмоопасным, а в ряде случаев связан с риском для жизни. Кроме того, занятия экстремальным туризмом требуют значительных материальных средств на покупку или прокат специального оборудования, снаряжения, экипировки и питания, а также на саму организацию и проведение туристских поездок, либо оплату туристским фирмам, которые предоставляют соответствующие услуги. Тем не менее популярность экстремального туризма растет и все больше людей готовы попробовать свои силы в том или ином его виде.

Так что же движет людьми, которые проявляют интерес к экстремальному туризму и эпизодически принимают участие в экстремальных турах или соглашаются на включение элементов экстремального туризма в программу своей туристской поездки, а тем более теми, кто занимается им регулярно? К сожалению, специальных работ по этой тематике по-прежнему недостаточно. Отчасти это связано с тем, что возникновение и обособление экстремального туризма от других видов туризма произошло сравнительно недавно. Другая причина заключается в том, что большинство исследователей привлекает изучение различных аспектов самого феномена экстремального туризма, например таких как: новые виды экстремального туризма, методика подготовки и проблемы обеспечения безопасности туристов-экстремалов и т.д. Что же касается изучения фундаментальных оснований экстремального туризма, то данная проблема почти не изучается в специальных исследованиях, а лишь затрагивается, по преимуществу социологами и психологами, но в контексте более широких или смежных исследований. Например, в социологических исследованиях – в рамках «социологии риска» и «социальной девиации», в психологических – в различных вариантах теории мотиваций, исследованиях девиантного поведения, «психологии риска», экстремальной психологии и психологической помощи.

Материалы и методы исследования. Контекст и общая направленность социологических и психологических исследований (выявление социальных или психических отклонений от «нормального» поведения), включающих иногда в качестве «наглядных» примеров упоминания об опасных видах спорта (в том числе – экстремальном туризме) во многом определяют характеристику и оценку экстремального туризма в этих науках в целом. Чаще всего экстремальный туризм (или шире – опасные виды спорта) рассматривается как одно из проявлений ненормальной или неоправданной склонности к риску. При этом

нередко даются односторонние, а иногда крайние варианты оценок, такие как психологическая или социальная девиация или даже патология.

Так, с точки зрения социологических концепций, которые не учитывают (в том числе намеренно, для «чистоты» социологического исследования) личностные (психологические) мотивы (так как это область психологических исследований), занятие и увлечение экстремальными видами спорта и туризма оцениваются чаще всего как социальная девиация.

Например, если следовать логике концепции типов индивидуального приспособления Р. Мертона, то люди, занимающиеся экстремальным туризмом, автоматически должны быть отнесены к одному из девиантных типов, так как они не следуют сформированным и признанным в данной культуре целям и ценностям. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что выдвигая свои предложения по поводу противодействия нарастающей угрозе аномии в обществе, Р. Мертон, помимо прочего, предлагает допустить легитимность не только принятых целей и ценностей, но и тех их вариантов, которые, не представляя угрозы стабильности социальной структуры, могут «канализировать» активность некоторых групп людей. К таким альтернативным вариантам он в первую очередь относит цели и ценности представителей науки и искусства, для которых нахождение истины и самовыражение, более важны, чем достижение финансового успеха [4]. Дополняя Р. Мертона, можно предложить отнести к таким альтернативным вариантам цели и ценности людей, которые увлекаются экстремальными видами спорта и туризма.

Негативная концептуализация феномена экстремальности в психологии по преимуществу связана с происхождением и традицией применения данного термина в этой науке. Он был заимствован психологами из медицинских и естественнонаучных дисциплин и стал применяться при исследовании негативных психологических последствий различных бедствий и несчастных случаев, то есть экстремальных событий. Традиционный натуралистический, в первую очередь позитивистский, подход в психологии делал (и отчасти делает до сих пор) акцент на разработке и применении способов преодоления негативных последствий экстремальности [2]. В противовес этому одностороннему подходу можно привести точку зрения М.Ш. Магомед-Эминова о том, что: «... кроме негативно-страдальческого лика, который вызывает основной интерес у психологов, экстремальность имеет другую оборотную сторону – порождает стойкость, мужество, героизм, сострадание, помощь, иллюминацию, рост, развитие, трансгрессию и др.» [2]. Поэтому феномен экстремальности можно исследовать не только с негативной, но и с позитивной точки зрения [1, 2].

Для решения этой задачи может быть применен онтологический подход, который предполагает рассмотрение человека в предельных способах бытия, в которых он не только негативно реагирует на экстремальные ситуации, но и пытается, пройдя через них, найти или сформировать свою сущность, выявить или сконструировать смысл. В отечественной науке к такому подходу можно отнести, например, разработки А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, Д.А. Леонтьева и М.Ш. Магомед-Эминова.

В зарубежных исследованиях наиболее фундаментальны различные варианты такого подхода у представителей экзистенциальной психологии и психотерапии, например у С.Р. Мадди и Р. Мея, а также логотерапии и экзистенциального анализа, например В. Франкла и А. Ленгле, которые в своих работах в первую очередь опираются на концепции представителей экзистенциальной философии, а также на некоторые разработки психоанализа.

Однако и они в своих исследованиях нечасто рассматривают экстремальный спорт и туризм. А кроме того, некоторые из них по-прежнему находятся под влиянием традиционно негативного отношения к экстремальности.

Например, один из сторонников экзистенциальной психологии и психотерапии, представитель экзистенциальной персонологии С.Р. Мадди в своей работе «Смыслообразование в процессе принятия решений» к «серьезным» формам экзистенциального недуга относит не только «вегетативность» (невозможность найти что-то интересное и стоящее, апатия и скука, прерываемая периодами депрессии) и «нигилизм» (нахождение смысла в отрицании всего, упор на антисмысл, агрессия, стремление к соперничеству), но и «авантюризм» (нахождение позитивного смысла в экстремальных занятиях, избегание скуки путем принятия избыточного риска) [3]. То есть увлечение экстремальным туризмом может быть отнесено к этой форме, которая расценивается исследователем как недуг и девиация.

Весьма спорным представляется утверждение С.Р. Мадди о том, что в отличие от экстремального переживания, повседневную жизнь на когнитивном уровне авантюрист считает пустой, нежизненной и неважной, на эмоциональном уровне, ведя ее, он апатичен и скучает [3]. Конечно, примеры таких людей есть, однако гораздо чаще они встречаются среди тех, кто не склонен к экстремальным занятиям. Кроме того, можно согласиться с утверждением М.Ш. Магомед-Эминова о том, что «экстремальность связана с переходом из повседневной реальности в неповседневную и обратно. Эти переходы сопровождаются сменой смысловых структур жизненного мира. В соответствии с этой сменой у человека трансформируется мотивация, смысловые образования, картина ми-

ра и т.д.» [1]. Таким образом, С.Р. Мадди рассматривает смысловые структуры данного типа как статичные и поэтому дает одностороннюю оценку данному типу, подчеркивая только негативные моменты. Несколько смягчает эту его оценку замечание о том, «авантюризм» является наименее тяжелой формой экзистенциального недуга по сравнению с «вегетативностью» и «нигилизмом», так как он связан с активностью и поиском новых ощущений [3].

На этот момент обратили внимание Д.А. Леонтьев и Е.Н. Осин, которые справедливо указали на то, что как раз с этой особенностью связана нечеткость грани между «авантюризмом» и соответствующим ему «позитивным» понятием, которое характеризуется поиском новых впечатлений. Хотя в «авантюризме» можно обнаружить элемент эскапизма (уход от бессмысленной жизни в бессодержательный риск), а поиск новых впечатлений связан с попытками нахождения бытийных ценностей в новых видах деятельности [5]. Различие действительно малозаметно, особенно со стороны, и в каждом конкретном случае может быть выявлено, только если точно установлены мотивы и цели людей (которые к тому же могут их и не всегда осознавать), относимых авторами к одному или другому типу.

Среди немногочисленных специальных исследований, направленных на выявление экзистенциальных оснований экстремального спорта и туризма, особо следует выделить работу Э. Браймера и Р. Швейцера «Опасные виды спорта полезны для здоровья: феноменологическое осмысление страха и тревоги в контексте экстремального спорта». Авторы обращают внимание на позитивные стороны экстремальных занятий и переживаний и приходят к выводу о том, что преодоление страха в экстремальных видах спорта открывает перед его субъектами новые жизненные горизонты, в том числе в обычной жизни, а кроме того, выступает стимулом к изменению поведения, отношения к природе и даже трансформации сознания [10].

Следует отметить, что, несмотря на практически философские выводы Э. Браймер и Р. Швейцер, также как С.Р. Мадди, подходят к рассмотрению данной проблемы в первую очередь с точки зрения психологии.

Противоположность оценок занятий экстремальным спортом и туризмом С.Р. Мадди, с одной стороны, а также Э. Браймера и Р. Швейцера – с другой, демонстрирует необходимость оценки экстремальности с разных точек зрения и, следовательно, допустимость говорить как об «отрицательной», так и «положительной» экстремальности, а кроме того, о разграничении того и другого. Этому может способствовать применение онтологического подхода, один из вариантов которого предлагает экзистенциальная философия.

Поэтому в связи с недостаточной изученностью экстремального туризма, незначительным количеством специальных работ, его исследованностью преимущественно на уровне явления, а также односторонней традиционно негативной оценкой «экстремальности» и, как следствие, экстремального туризма, следует указать на необходимость обоснования положительных аспектов «экстремальности» (не отрицая отрицательных ее сторон), за счет выявления фундаментальных, в первую очередь экзистенциальных оснований экстремального туризма, исходя из анализа философских концепций.

В данном исследовании предлагается анализ и выявление экзистенциальных оснований экстремального туризма в контексте «положительной» экстремальности с опорой на положения и идеи онтологической концепции «мужества быть» одного из наиболее известных представителей экзистенциальной философии – П. Тиллиха.

У П. Тиллиха почти не различается «мужество быть» в повседневности и экстремальности. Точнее, он делает предметом своего исследования в первую очередь повседневность, а экстремальность почти не рассматривает. В тех же немногочисленных случаях, когда П. Тиллих к ней все же обращается, он рассматривает ее преимущественно в негативном плане, как «критические ситуации», вызывающие у человека «отчаяние» (это состояние человека, в котором он осознает отсутствие надежды и невозможность что-либо изменить). При этом «критические ситуации» в понимании П. Тиллиха – это то, что задается судьбой (или случайностью). И в этом плане в его концепции проявляется христианский или точнее протестантский фатализм.

Однако несмотря на данную религиозную установку и негативную оценку «критических ситуаций», П. Тиллих диалектически выводит их ценность для человека, подчеркивая, что цель их анализа в том, чтобы открыть некоторые крайние возможности, в свете которых следует понимать и обычные состояния. «Мы не всегда сознаем неизбежность смерти, но в свете одного такого опыта вся наша жизнь переживается иначе» [7].

Данный вывод П. Тиллиха показывает, что несмотря на некоторые его религиозные установки и убеждения (например, протестантский фатализм), некоторые положения его онтологического подхода в рассмотрении человека могут оказаться продуктивным для исследования феномена экстремальности и, в частности, для изучения экзистенциальных основ экстремального туризма. Тем более что здесь по сути П. Тиллих, может быть и не желая того, уже вскрывает одну из причин обращения некоторых людей к экстремальным видам спорта и туризма.

Онтологическая концепция П. Тиллиха в той ее части, которая касается фундаментальных проблем бытия человека, наиболее полно раскрывается в его анализе понятия «мужество». Согласно утверждению П. Тиллиха, «несомненно, мужество – этическая реальность, но корни его уходят в глубину человеческого существования как целого и, в конечном счете, в структуру самого бытия» [7]. «Понимание мужества предполагает понимание всего человека и его мира, со всеми его структурами и ценностями» [7].

Наиболее подробный анализ категории «мужество быть» П. Тиллих дает в первом томе своего фундаментального труда «Систематическая теология» [8], а также в работе «Мужество быть» [7].

В книге «Мужество быть», указывая онтологические основания своей религиозно-философской концепции, П. Тиллих, так же как К. Ясперс [9], говорит о диалектической связи Я и мира. С одной стороны, он отмечает их полярность, а с другой – диалектическое единство этих противоположностей, которое устанавливается за счет участия индивидуального Я в мире, то есть в структурном единстве бытия. В первую очередь это проявляется в онтологическом самоутверждении Я в мире, которое происходит как взаимосвязанные процессы индивидуализации и партиципации [7, с. 58-59]. С одной стороны – «... это утверждение себя как такового, то есть отдельного, централизованного в себе, обособленного, единственного в своем роде, свободного, самоопределяющегося Я» [7, с. 58]. «Онтологическое самоутверждение предшествует всем различениям метафизических, этических и религиозных определений Я» [7, с. 58-59]. С другой стороны, Я принадлежит миру, является его частью, то есть соучаствует в нем, в утверждении Бытия [7, с. 59]. При этом самоутверждение бытия вопреки небытию – это и есть мужество [7, с. 58]. «... Самоутверждение Я как индивидуального Я всегда включает в себя утверждение силы того бытия, в котором участвует это Я. Я утверждает себя как участника в силе какой-то группы, движения, в силе каких то смыслов, самой силе бытия как такового. Самоутверждение, если оно осуществляется вопреки угрозе небытия, есть мужество быть» [7, с. 59]. Таким образом, «мужество быть всегда в сути своей есть и мужество быть частью и мужество быть самим собой в их взаимной зависимости» [7, с. 60].

Применительно к экстремальному туризму «мужество быть» для членов группы – это взаимосвязанные процессы индивидуализации и партиципации, («соучастие» по П. Тиллиху), взаимозависимость «мужества быть собой» и «мужества быть частью», когда от каждого зависит успех группы или даже ее выживание. С другой стороны, безопасность обеспечивает подготовка и кон-

кретные действия каждого, то есть безопасность группы зависит от каждого, а безопасность каждого – от группы.

Следует обратить внимание на то, что подобно Ж.П. Сартру [6], П. Тиллих разграничивает страх и тревогу, утверждая, что угроза утраты Я – сущность тревоги, а сознание конкретной угрозы ему – сущность страха [7, с. 58]. То есть страх, в отличие от тревоги, вызывается угрозой со стороны конкретного объекта или объективной ситуации, реагируя на которые можно предпринять какие-то действия. Но тревогу, в отличие от Ж.П. Сартра, который понимает ее как осознание человеком неопределенности своей сущности [6], П. Тиллих определяет как состояние, в котором человек экзистенциально осознает возможность собственного небытия, свою конечность [7, с. 59]. При этом страх и тревога взаимосвязаны, поэтому тот, кто испытывает чувство тревоги, стремится «переключить» его на конкретную объективную угрозу, пытаясь установить объект страха, поскольку это позволяет проявить мужество [7, с. 59].

Таким образом, экстремальные ситуации, в том числе возникающие в экстремальном туризме, позволяют человеку объективировать угрозу Я и «переключиться» с чувства тревоги на чувство страха, с внутреннего переживания возможности собственного небытия на действия направленные на сохранение и самоутверждение Я.

В соответствии с тремя направлениями (онтологическим, духовным и моральным), по которым небытие угрожает бытию, П. Тиллих различает три взаимосвязанных типа тревоги и, следовательно, самоутверждения и мужества. Осознание онтологической угрозы есть тревога судьбы и смерти, духовной – тревога пустоты и бессмысленности, моральной – тревога вины и осуждения [7, с. 31].

Если спроецировать эти формы тревоги и самоутверждения на переживания и действия туристов-экстремалов, то можно отметить, что все они в большей или меньшей мере им свойственны. В обыденной жизни – больше вторая, в экстремальных ситуациях наиболее ярко выражены первая и третья. При этом третья форма наиболее сильно проявляется у руководителя группы.

Как отмечает П. Тиллих, во всех трех формах тревога экзистенциальна, но может быть и паталогической [7, с. 31]. Различая экзистенциальную и паталогическую тревогу, П. Тиллих указывает на то, что «экзистенциальная тревога имеет онтологический характер и не может быть снята; она должна быть принята в мужество быть. Паталогическая тревога есть следствие неспособности Я принять эту тревогу на себя. ... Паталогическая тревога судьбы и смерти порождает нереалистическое чувство безопасности; паталогическая тревога вины

и осуждения нереалистическое чувство безупречности; патологическая тревога сомнения и бессмысленности – нереалистическую уверенность» [7, с. 53].

Патологическая тревога – это, по сути, тревога Я, не пытающегося «переключиться» на страх и не решающегося встретиться лицом к лицу с объективированной угрозой, а значит и решиться на борьбу. Это создание и поддержание иллюзии внутренней защищенности за счет избегания чувства страха и необходимости борьбы с объективной угрозой. То есть, согласно П. Тиллиху, патологична не активность, а пассивность.

П. Тиллих утверждает, что тревога и мужество носят психосоматический характер, то есть являются не только психологическими, но и биологическими. Страх и тревога мобилизуют живое существо к действиям защиты и сопротивления перед угрозой небытия. При этом чем больше у него жизненной силы, тем более оно способно утвердить себя, в противовес тем угрозам о которых предупреждают страх и тревога [7, с. 53].

Однако, по мнению П. Тиллиха, верно и обратное – чем больше человек проявляет мужество, пытаясь самоутвердить себя, тем больше укрепляются и растут его жизненные силы [7, с. 54]. Поэтому преодоление трудностей и страха в экстремальном туризме – это форма самоутверждения Я и укрепление жизненных сил.

Вместе с тем П. Тиллих утверждает, что в биологическом аспекте для сохранения жизни самоутверждение должно находить баланс между страхом и мужеством. С одной стороны, необходимо стремление к достижению безопасности, совершенства и уверенности. Но оно может стать деструктивным, если полностью исключить риск. С другой стороны, если риск опирается на реалистическое основание в Я и мире, то он необходим, но при отсутствии такого основания он также биологически деструктивен. Жизненному процессу, в котором достигается баланс между страхом и мужеством, свойственна витальность (жизненность или жизненная сила) [7, с. 54].

В рассуждениях о психосоматическом характере тревоги и мужества, а также о жизненных силах (витальности), на первый взгляд заметна значительная опора П. Тиллиха на «натуралистический» («биологический») подход к рассмотрению человека. Однако данный подход у него соединяется с восходящим к античности рационалистическим утверждением о том, что мужество человека должно быть основано на разуме, благодаря которому может быть достигнуто среднее состояние между трусостью и безрассудством. При этом П. Тиллих считает одним из необходимых условий оправданности риска – реалистическую (то есть, по-видимому, рациональную и осознанную) внутреннюю

уверенность в своих возможностях. К тому же, по его мнению, отличие человека от других живых существ заключается в способности осознавать свою сущность и превосходить себя, находить и создавать новые смыслы. Именно это характеризует человека как человека. На это указывает его утверждение о том, что жизненная сила человека взаимосвязана с его интенциональностью (отношением к смыслам, направленностью к осмысленному содержанию) и растет при ее увеличении. Витальность позволяет человеку творить, превосходя себя, но при этом сохраняя себя [7, с. 55].

Баланс риска, страха и мужества, о котором говорит П. Тиллих, может быть оптимально и сознательно достигнут в экстремальном туризме, где принимаются меры по минимизации негативных случайностей. В отличие от фатальных «критических ситуаций» в понимании П. Тиллиха, экстремальные ситуации в туризме чаще всего носят «запланированный» характер, так как заранее предусматриваются и оцениваются с точки зрения степени риска, а значит, и возможности относительно реалистично оценить свои силы и способности, подготовиться, а также «подстраховать» себя, предприняв меры безопасности. То есть в данном случае риск запланирован, а значит, человек к нему может быть готов.

Следует подчеркнуть, что «запланированный» риск или угроза не соответствует религиозным фаталистическим установкам П. Тиллиха, поэтому он даже не упоминает такого рода экстремальные ситуации, а лишь иногда указывает критические ситуации, которые оказываются неожиданно данными для человека.

Результаты исследования и их обсуждение. Концепция «мужества быть» П. Тиллиха изначально и в целом направлена на обоснование и выведение из нее религиозной веры [7, с. 57]. Поэтому в итоге он ее приводит к высшей, на его взгляд, форме мужества быть – мужеству безусловной веры, которая превосходит все иные рассмотренные им формы синтеза «мужества быть собой» и «мужества быть частью». При этом показательно его утверждение о том, что обретение мужества – это дело благодати. «Мужество как благодать – это и вывод, и вопрос» [7, с. 57].

Следует также отметить, что в ряде случаев онтологический подход Тиллиха дает ему возможность найти позитивные последствия переживания человеком критических ситуаций. Но это данные человеку критические ситуации, к которым он, правда, может или должен быть онтологически, духовно и морально готов, а не те, которые он создает сам, как в экстремальном туризме.

Поэтому последовательная протестантская религиозно-философская позиция П. Тиллиха не предполагает сколько-нибудь позитивного отношения к экстремальному туризму, а тем более допустимость подведения сугубо религиозных оснований под данный вид туризма.

И все же проведенный анализ и реконструкция концепции П. Тиллиха позволяют утверждать, что некоторые положения его концепции могут быть применены к выявлению экзистенциальных оснований экстремального туризма, но при условии их переинтерпретации и развития, а также, и в первую очередь, – абстрагирования от двух принципиальных для П. Тиллиха положений. Во-первых, это протестантская фаталистическая установка на данность «критических ситуаций», которая не допускает возможность сознательно и активно идти навстречу ситуациям, которые предполагаются в экстремальном туризме. Во-вторых, это заявленная П. Тиллихом цель и, как следствие, вывод о мужестве безусловной веры, как высшей формы мужества быть.

Выводы. Таким образом, по итогам анализа и интерпретации идей П. Тиллиха, а также их развития и применения к исследованию экстремального туризма можно выделить следующие экзистенциальные основания данного вида туризма.

1. «Критические ситуации» открывают некоторые крайние возможности, в свете которых следует понимать и обычные состояния, то есть дают опыт, в свете которого вся жизнь может переживаться иначе.

2. Преодоление трудностей и страха в экстремальном туризме – это форма самоутверждения Я и укрепление жизненных сил.

3. Самоутверждение Я, если оно осуществляется вопреки угрозе небытия, есть «мужество быть». «Мужество быть» для каждого участника группы в экстремальном туризме – это взаимозависимость «мужества быть собой» и «мужества быть частью», когда от каждого участника зависит выживание, безопасность, успех группы и наоборот, при этом общий успех – это успех каждого.

4. Экстремальные ситуации, позволяют человеку объективировать угрозу Я и «переключиться» с чувства тревоги на чувство страха, с внутреннего переживания возможности собственного небытия на действия направленные на сохранение и самоутверждение Я.

5. Существуют три взаимосвязанных типа тревоги и, следовательно, самоутверждения и мужества. Осознание онтологической угрозы есть тревога судьбы и смерти, духовной – тревога пустоты и бессмысленности, моральной – тревога вины и осуждения. Туристам-экстремалам в обыденной жизни больше

свойственна вторая форма, в экстремальных ситуациях – наиболее ярко выражены первая и третья. При этом третья форма наиболее сильно проявляется у руководителя группы.

6. Экстремальный туризм дает возможность лучше осознать свою сущность и превзойти себя, найти или создать новые смыслы.

7. В отличие от данных «критических ситуаций», экстремальные ситуации в туризме чаще всего носят «запланированный» характер, так как заранее предусматриваются и оцениваются с точки зрения степени риска, а значит и возможности относительно реалистично оценить свои силы и способности, подготовиться, а также «подстраховать» себя, предприняв меры безопасности. Таким образом, в экстремальном туризме может быть оптимально и сознательно достигнут баланс риска, страха и мужества.

Библиографический список

1. Магомед-Эминов М.Ш. Онтологическая концептуализация феномена экстремальности // Вестник Московского университета. – 2014. – Сер. 14. – № 3. – С. 79-91.

2. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности // Вестник СПбГУ. – 2010. – Сер. 12. Вып. 1. – С. 28-38

3. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26, № 6. – С. 87-101.

4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873, [7] с.

5. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 4. – С. 68-77.

6. Сартр Ж.П. Бытие и ничто // Философские науки. – 1989. – № 3. – С. 89-100.

7. Тиллих П. Мужество быть / пер. с англ. О. Седаковой // Символ. – 1992. – № 28. – С. 7-119.

8. Тиллих П. Систематическая теология / пер. с англ. Т.П. Лифинцевой. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – Т. 1, 2. – 463 с.

9. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции // пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 448 с.

10. Brymer E., Schweitzer R. Extreme sports are good for your health: A phenomenological understanding of fear and anxiety in extreme sports // J. of health psychology. – 2013. – Vol. 18, No 4. – Pp. 477-487.

References

1. Magomed-Jeminov M.Sh. Ontological conceptualization of the phenomenon of extremality // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 2014. – Ser. 14, No 3. – Pp. 79-91 (in Russian).
2. Magomed-Jeminov M.Sh. The phenomenon of extremality // Vestnik SPbGU. – 2010. – Ser. 12, Is. 1. – Pp. 28-38 (in Russian).
3. Maddi S. Sense making in the process of decision making // Psichologicheskiy zhurnal. – 2005. – Vol. 26, No 6. – Pp. 87-101 (in Russian).
4. Merton R. Social Theory and Social Structure. – Moscow: ACT: ACT MOSKVA: HRANITEL' Publ., 2006. – 873, [7] p. (in Russian).
5. Osin E.N., Leont'ev D.A. The loss of sense and disengagement // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. – 2007. – No 4. – Pp. 68-77 (in Russian).
6. Sartre J.P. Being and Nothingness // Philosophical Sciences. – 1989. – No 3. – Pp. 89-100. (in Russian).
7. Tillich P.J. The courage to be. Simvol. – 1992. – No 28. – Pp. 7-119 (in Russian).
8. Tillich P.J. Systematic theology. – M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2000. – Vol. 1, 2. – 463 p. (in Russian).
9. Jaspers K. Philosophy. Book Two. Enlightenment of existence. – Moscow: «Kanon+» ROOI «Rehabilitation», 2012. – 448 p. (in Russian).
10. Brymer E., Schweitzer R. Extreme sports are good for your health: A phenomenological understanding of fear and anxiety in extreme sports // J. of health psychology. – 2013. – Vol. 18, No 4. – Pp. 477-487.